

Я.В. Лексютина

КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В «ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ» ПЕРИОД: К НОВОМУ КАЧЕСТВУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Наблюдавшееся в 2020 г. — первой половине 2022 г. резкое сокращение дипломатической и внешнеэкономической деятельности Китая в Центральной Азии, со второй половины 2022 г., когда интенсивность исходящей от пандемии COVID-19 угрозы спала, сменилось активизацией усилий Пекина, направленных на восстановление и укрепление позиций Китая в Центральной Азии. Особенностью «постпандемийного» этапа взаимодействия Китая с регионом стал поиск им новых подходов и инструментария проникновения в Центральную Азию, продиктованный стремлением не потерять темп и инициативу в разворачивающейся региональной «Большой игре» великих держав, адаптироваться под меняющийся политический региональный ландшафт (обусловленный сменой политических элит и национальных стратегий стран Центральной Азии), снять остроту синофобных настроений в регионе как затрудняющих реализацию китайских интересов, содействовать решению стоящих перед Китаем на текущем этапе магистральных задач в области экономического развития (обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, стабильности глобальных цепочек поставок, развитие альтернативных международных транспортных коридоров и пр.). Статья нацелена на выявление новых акцентов, приоритетов и инструментария в политике Пекина в Центральной Азии, а также выделение нового содержания, которым стали наполняться дипломатические и торгово-экономические отношения Китая и стран Центральной Азии в «постпандемийный» период (период со второй половины 2022 г.).

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, торгово-экономическое сотрудничество, природный газ, газопроводы, «Большая игра».

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7—9). ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lex yana@ya.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ya. V. Leksyutina

China's political and economic engagement with Central Asia in the "post-pandemic" period: towards a new quality

Abstract. The sharp decline in China's diplomatic and economic activities in Central Asia in 2020 — the first half of 2022 has been replaced since the second half of 2022 — when the intensity of the threat posed by the COVID-19 pandemic subsided — by an intensification of Beijing's efforts aimed at restoring and strengthening China's position in Central Asia. China's "post-pandemic" interaction with the region is featured by Beijing's search for new approach and tools to engage with Central Asia, dictated by the desire not to lose the initiative and pace in the regional "Great Game", to adapt to the changing political regional landscape (due to the change of political elites and national strategies of Central Asian countries), to soften Sinophobic sentiments in the region as impeding the promotion of Chinese interests, to meet the demands of China's economic development (such as ensuring energy and food security, stability of global supply chains, development of alternative international transport corridors etc.). The article is aimed at identifying new priorities and instruments in Beijing's policy in Central Asia, as well as new features in China's engagement with Central Asia in the "post-pandemic" period.

Keywords: China, Central Asia, trade and economic cooperation, natural gas, gas pipelines, "Great Game".

Author: Yana V. LEKSYUTINA, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor of Saint-Petersburg State University (address: 7/9, Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034). ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lex yana@ya.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Для периода с начала 2020 г. до середины 2022 г. было характерно значительное снижение внешнеполитической и внешнеэкономической активности Китая в Центральной Азии. Самоизоляция китай-

ских дипломатических работников в стенах диппредставительств, систематические закрытия пограничных пунктов пропуска с китайской стороны при осуществлении грузоперевозок¹, отзыв китайской рабочей силы из региона и прочие ограничительные меры Китая ввиду чрезвычайных обстоятельств развития пандемии COVID-19 способствовали временному «простоя» во взаимодействии Китая с Центральной Азией. Дипломатическая активность Китая снизилась до исторического минимума. Китай фактически «проглядел» январские события 2022 г. в Казахстане, упустил стратегическую инициативу, не сумев оказать какой-либо поддержки руководству Казахстана. Были почти полностью приостановлены людские обмены и встречный туризм. Так называемая масочная и вакцинная дипломатия Китая в регионе имела очень неоднозначные результаты. В 2020 г. упал объем торговли Китая с Центральной Азией: с 46 млрд долл. в 2019 г. до 39 млрд долл. в 2020 г.² Увеличение размера товарооборота до 50 млрд долл. в 2021 г. и 70,2 млрд долл. в 2022 г. скорее свидетельствует о восстановлении товарных потоков до допандемийного уровня, нежели об их росте. Стоимостные показатели торговли выросли во многом ввиду высокого уровня глобальной инфляции.

Как только опасность, исходящая от пандемии, стала ослабевать, а также объективно назрела необходимость подтверждения своего присутствия в регионе, Пекин с особым напором интенсифицировал активность в Центральной Азии. При этом проявился целый ряд новых аспектов вовлеченности Китая в дела региона, китайский подход к региону начал меняться, отношения Китая и стран Центральной Азии стали наполняться новым содержанием. Эти изменения, равно как и интенсификация региональной активности Китая, были обусловлены целым рядом факторов, неполный перечень которых включает: а) наличие в регионе синофобных настроений, которые, согласно оценкам некоторых экспертов, умышленно подогреваются внеш-

¹ Во время пандемии COVID-19 распространенной практикой, призванной предотвратить попадание из-за рубежа и распространение внутри страны COVID-19, было введение Китаем различных ограничительных мер против импортируемой из соседних стран продукции и временные закрытия пограничных переходов и портов. Такие ограничения вводились не только против импорта из Центральной Азии, но и, например, из России. Однако в Казахстане отдельные казахстанские эксперты такие меры китайских властей ошибочно интерпретировали как намеренное наказание Пекином Казахстана за неспособность его властей сдерживать синофобные настроения и следовать в русле китайской политики.

² 中国统计年鉴2022 (Чжунго тунцзи наньцзянь) [Китайский статистический ежегодник 2022]. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexch.htm> (дата обращения: 28.04.2023).

ними силами [Грозин, с. 46; Каукенов] и затрудняют продвижение интересов Китая; б) трансформации в самих странах Центральной Азии, изменение их национальных стратегий и приоритетов, смена политических элит; в) фактор пандемии, а именно временная «заморозка» активности Китая в регионе (что нашло свое проявление как в политико-дипломатической, экономической, так и культурной сфере, туризме и пр.); г) новый контекст развивающегося американо-китайского стратегического соперничества и американской политики сдерживания Китая, потенциально способной выйти на уровень сдерживания Китая в Центральной Азии; д) новый виток украинского кризиса с февраля 2022 г. и изменения геополитического ландшафта на постсоветском пространстве; е) остро вставший после вывода американских войск из Афганистана в августе 2021 г. афганский вопрос и приход талибов к власти в соседнем Китае Афганистане.

Резкий рост активности Китая в Центральной Азии, мотивированный стремлением Пекина компенсировать невнимание к региону в 2020 г. — первой половине 2022 г., наблюдается с осени 2022 г. Первый с начала развития пандемии COVID-19 зарубежный визит Председателя КНР Си Цзиньпина пришелся именно на Центральную Азию и включал посещение Казахстана и Узбекистана (в рамках участия в самаркандском саммите ШОС). В ходе визита в Казахстан отношения Китая и Казахстана были официально названы «вечным» всесторонним стратегическим партнерством. Повышение уровня отношений, кстати, затронуло не только Казахстан, но, например, и другое постсоветское государство, имеющее тесные отношений с Россией, — Беларусь. Отношения Китая с этим государством в сентябре 2022 г. были названы «всепогодными»¹. Смена официальной терминологии при характеристике двусторонних отношений, по-видимому, была направлена на демонстрацию повышения значимости этих государств в системе внешнеполитических приоритетов Пекина.

Вероятно, значимым фактором всплеска активности Пекина в регионе могли быть опасения, вызванные тем, что ввиду взятого Вашингтоном курса на сдерживание Китая и острой конфронтации между Россией и Западом в Центральной Азии как регионе — подбрюшье и России, и Китая может развернуться так называемая Большая игра 2.0 [Притчин, с. 112—123], а именно интенсифицироваться деятельность США и европейских стран по расширению их регионального присутствия. Более того, могли быть и опасения в связи с

¹ Ранее формулы «всепогодные отношения» удаивались только отношения Китая с Пакистаном.

тем, что у России, вовлеченной в украинскую ситуацию и преодоление финансово-экономических санкционных угроз, может не хватить сил и ресурсов на Центральную Азию, и это создаст определенный вакуум, который поспешат заполнить США и их союзники, что очевидно не отвечает интересам Пекина.

В подходе Пекина к региону проявились определенные изменения. Так, меняется модель взаимодействия Китая с Центральной Азией: на смену двустороннему лучевому взаимодействию с каждой страной региона по отдельности приходит многосторонний формат «Китай + пять стран Центральной Азии». Возникнув по инициативе Пекина в 2020 г., этот формат приобретает мультивекторный характер и практическое наполнение. К настоящему моменту он не ограничивается лишь встречами шести министров иностранных дел (в апреле 2023 г. в г. Сиань состоялась уже 4-я встреча глав внешнеполитических ведомств), но уже создан механизм саммитов «Китай — Центральная Азия» (1-й саммит был запланирован на май 2023 г.). В апреле 2023 г. прошло первое совещание министров, ответственных за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность в шестистороннем формате. Также создаются специализированные многосторонние механизмы практического взаимодействия: Форум торгово-экономического сотрудничества «Китай—Центральная Азия», Форум по промышленному и инвестиционному сотрудничеству, нацеленный на расширение сотрудничества в цифровой экономике, энергетике и сельском хозяйстве (первый форум состоялся в феврале 2023 г. в г. Циндао). Узбекистан предложил создать координационный совет «Китай — Центральная Азия» по транспортной взаимосвязанности.

Многосторонний формат встреч министров иностранных дел «5+1» не нов, и в этом смысле инициатива Пекина носит догоняющий характер. Такого рода механизмы были ранее созданы между странами Центральной Азии и Японией (действует с 2004 г., но на нерегулярной основе), Южной Кореей (с 2007 г.), США (с 2015 г.), Индией (с января 2019 г.), Россией (с 2019 г.). Формат специализированных многосторонних механизмов сотрудничества Китая с группой стран отдельного региона («Китай + несколько стран региона») используется Пекином уже давно, но по какой-то причине он не был востребован при взаимодействии с Центральной Азией¹. У Китая уже

¹ Возможных объяснений этому может быть несколько: для многостороннего взаимодействия со странами Центральной Азии Пекин мог использовать формат ШОС (куда входят четыре центральноазиатских государства за исключением Туркменистана), при этом взаимодействие в рамках ШОС снимало опасения Пекина относительно воз-

есть такие механизмы, как Форум китайско-африканского сотрудничества, Форум Китай—СЕЛАС для взаимодействия с латиноамериканскими и карибскими государствами, платформа «14+1» для сотрудничества с Центральной и Восточной Европой и пр. Появление механизма саммитов «Китай—Центральная Азия» в этом контексте — закономерное и вполне ожидаемое событие, в том числе отвечающее получившему не так давно развитие тренду на сплачивание региона Центральной Азии.

На фоне растущей обеспокоенности Пекина западными антиросийскими санкциями, дезорганизацией мировой логистики и американской политикой сдерживания Китая (которая потенциально может принять формы попыток ограничения морской торговли Китая) значительно возрос интерес КНР к транзитному потенциалу Центральной Азии и разработке новых транспортно-логистических коридоров. Китай и заинтересованные центральноазиатские страны объединили усилия по увеличению грузовой пропускной способности железнодорожных и автомобильных магистралей в регионе и пограничных переходов между Китаем и Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. В частности, в Казахстане было начато строительство вторых путей участка Достык—Мойынты, открытие которого позволит увеличить пропускную способность участка до 5 раз, способствуя наращиванию объемов транзитных перевозок Китай—Европа. В 2022 г. была достигнута договоренность о создании 3-го железнодорожного перехода на китайско-казахстанской границе¹ в районе автомобильного пункта пропуска Бахты (Казахстан) — Чугучак (Китай), могущего увеличить пропускную способность на китайско-казахстанской границе на 20 млн тонн грузов ежегодно.

После почти двух десятилетий бездействия наметилась положительная динамика вокруг проекта железной дороги Китай—Киргизия—Узбекистан. В середине сентября 2022 г. было подписано трехстороннее соглашение о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги Китай—Киргизия—Узбекистан по участку на территории Киргизии. Техничко-экономическое обоснование проекта строительства железной дороги по участку маршрута Торугарт—Арпа—Кош-Добо—Макмал—Джалал-Абад протяженностью 280 км было запланиро-

можной реакции Москвы на активность Китая в регионе «естественного влияния» России; ранее создаваемые Пекином многосторонние форумы включали гораздо более масштабные по количеству входящих в них стран региона.

¹ Ныне на границе Китая и Казахстана функционируют только два железнодорожных пограничных перехода: Достык—Алашанькоу и Алтынколь—Хоргос.

вано подготовить к 1 июня 2023 г.¹ Заметен также рост интереса Пекина к Транскаспийскому международному транспортному коридору.

В целом, усилия Китая в регионе в контексте торгово-экономического сотрудничества сконцентрированы на трех основных векторах: развитие транспортных коридоров и логистической инфраструктуры, связывающей Китай и Центральную Азию; энергетическое сотрудничество (интерес Китая к наращиванию импорта природного газа и развитие сотрудничества в области гидроэнергетики) и кооперация в области сельского хозяйства.

В 2022 г. Китай столкнулся с рядом неблагоприятных обстоятельств в области импорта трубопроводного газа из Центральной Азии в связи со сложившимся дефицитом газа для нужд ряда центральноазиатских стран (Узбекистана и Казахстана). На сегодняшний день трубопроводные поставки газа в Китай обеспечиваются тремя трансграничными трубопроводными системами: три ветки газопровода из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан «Центральная Азия—Китай», газопровод «Мьянма—Китай» и газопровод из России «Сила Сибири». Несмотря на то, что преобладающей формой китайского газового импорта выступает СПГ², снижение поставок трубопроводного газа даже в незначительных количествах способно поставить под угрозу энергетическую безопасность Китая.

Поступление газа по трубопроводной системе «Центральная Азия—Китай», являющейся на текущий момент крупнейшим каналом экспорта трубопроводного газа в Китай и имеющей суммарную пропускную способность в 55 млрд куб.м, обеспечивается силами трех государств: основные объемы поставок приходятся на Туркмению (примерно 35—40 млрд куб.м в год), экспортные квоты узбекистанского и казахстанского газа составляют 10 и 5 млрд³ куб. м газа ежегодно. Однако в 2022 г. наблюдалась нестабильность поставок газа по этому газопроводу и недозагруженность газотранспортного маршрута. В 2022 г. по газопроводу «Центральная Азия—Китай» в Китай было

¹ В Самарканде подписано Соглашение о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги «Китай—Кыргызстан—Узбекистан» на участке на территории КР // Президент Кыргызской Республики. 14 сентября 2022. URL: https://www.president.kg/ru/sobytiya/23329_v_samarkande_podpisano_soglashenie_o_sotrudnichestve_po_proektu_stroitelstva_gheleznoy_dorogi_kitay_kirgizstan_uzbekistan_na_uchastke_na_territorii_kr (дата обращения: 26.04.2023).

² Так, доля СПГ в общем объеме импорта природного газа Китаем составила в 2021 г. 65 %, тогда как доля трубопроводного газа — только 35 % [Лексютина, с. 44].

³ В 2018 г. между Казахстаном и Китаем было достигнуто соглашение об увеличении экспорта казахстанского газа в Китай до 10 млрд куб.м газа в год в период 2019—2023 гг.

поставлено 43,2 млрд куб. м природного газа¹ (в то время, как пропускная способность газопровода достигает 55 млрд куб. м), и в отдельные месяцы заявленные поставки газа срывались, вызывая нервозность Пекина. Так, на протяжении 2022 г. Узбекистан неоднократно временно прекращал экспорт газа в Китай (например, о прекращении поставок было заявлено в январе, ноябре, декабре 2022 г.). Оценочно, в 2022 г. Узбекистан сократил поставки газа в 3 раза относительно объемов 2021 г., и объемы экспорта природного газа составили только 3,3 млрд куб. м² (против 10 млрд куб. м экспортной квоты).

В 2022 г. Казахстан также временно приостанавливал экспортные поставки газа (преимущественно в зимние месяцы) и недобирает свою экспортную квоту в Китай. Экспорт газа составил около 4,6 млрд куб. м газа, что на 36 % меньше, чем в 2021 г.³

Проявившаяся в 2022 г. крайняя нестабильность экспортных поставок газа в Китай и курс Узбекистана и Казахстана на прекращение экспорта газа не может не беспокоить Пекин (особенно на фоне непредсказуемой ситуации на мировых энергетических рынках после начала СВО России на Украине). В течение 2020—2022 гг. было сделано несколько заявлений официальных лиц Узбекистана и Казахстана и представителей отрасли о планах этих государств сократить или вовсе прекратить экспорт газа в целях удовлетворения растущих внутренних потребностей. Премьер-министр Узбекистана А. Арипов, в частности, еще в 2020 г. объявил о намерении прекратить экспорт газа и перейти на полную переработку газа к 2025 г.⁴ Освободившиеся объемы газа планируется направить на производство дополнительной электроэнергии и развитие газохимического производства в Узбекистане. В Казахстане происходит постепенное сокращение добычи газа при стремительном росте внутреннего спроса на него, что обостряет вопрос о перенаправлении экспортных поставок на удовлетворение

¹ China-Central Asia gas pipeline transports 43.2 bln cubic meters of gas in 2022 // Xinhua. January 7, 2023. URL: <https://english.news.cn/20230107/be12f0fcb2e84a289a376ef205cc2249/c.html> (accessed: 25.04.2023).

² Узбекистан даже полностью прекратил экспорт газа, настолько не хочет газотранспортного союза с РФ и РК? // Neftegaz.RU. 8 декабря 2022. URL: <https://neftegaz.ru/news/gazoraspredelenie/762088-uzbekistan-polnostyu-prekratil-eksport-gaza/?ysclid=lh0dya7hrd83128991> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Казахстан не будет экспортировать газ зимой 2023/2024 гг. из-за роста потребления // Neftegaz.RU. 28 февраля 2023. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/771599-kazakhstan-ne-budet-eksportirovat-gaz-zimoy-2023-2024-gg-iz-za-rosta-potrebleniya/> (дата обращения: 26.04.2023).

⁴ Узбекистан планирует прекратить экспорт газа к 2025 году // Газета.uz. 18 января 2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/01/18/gas-export/> (дата обращения: 20.04.2023).

внутренних нужд. Весной 2022 г. глава Минэнерго Казахстана Б. Акчулов предупредил, что к 2025 г. Казахстан начнет испытывать дефицит газа¹, если не прекратит его экспорт.

Ситуация с Туркменистаном, на сегодняшний день крупнейшим наряду с Россией поставщиком газа в Китай, также в некоторой степени неопределенная. С одной стороны, Туркменистан предпринимает меры по диверсификации своего газового экспорта. Если несколько лет назад Китай был единственным покупателем туркменского газа, то сейчас на туркменский газовый рынок снова вернулись Россия и Иран, прорабатываются проекты газовых свопов с участием Ирана (с 2022 г. уже реализуется газовый своп с Азербайджаном через Иран), газопровода «Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия» (хотя здесь есть определенные сложности в связи с положением в Афганистане, а также Транскаспийского газопровода. В декабре 2022 г. Туркменистан подписал с Узбекистаном первый прямой, хотя и краткосрочный контракт на поставку газа². С другой стороны, в 2022 г. между Туркменистаном и Китаем были возобновлены ведущие уже, по меньшей мере, на протяжении десятилетия [Грозин, с. 43—44] переговоры относительно строительства четвертой ветки газопровода «Центральная Азия—Китай» пропускной способностью 30 млрд куб. м в год, способной вывести объем поставок туркменского газа в Китай на уровень, достигающий 65 млрд куб.м ежегодно. Пока еще остается интригой то, сумеет ли Китай договориться с Туркменистаном о строительстве четвертой ветки газопровода «Центральная Азия—Китай» ввиду современной ориентации Туркменистана на диверсификацию его газового экспорта.

Помимо энергетической безопасности, достаточно остро для Пекина стоит вопрос обеспечения продовольственной безопасности, что также находит отражение во взаимодействии Китая с Центральной Азией. Постепенно, хотя не так быстро, как хотелось бы центральноазиатским государствам, китайский рынок открывается для продукции растениеводства и животноводства из Центральной Азии. Снятие различных фитосанитарных ограничений на доступ соответствующей продукции в Китай требует сложной кооперации между Китаем и странами региона. Важным направлением также стало на-

¹ Казахстан не будет экспортировать газ зимой 2023/2024 гг. из-за роста потребления // Neftegaz.RU. 28 февраля 2023. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/771599-kazakhstan-ne-budet-eksportirovat-gaz-zimoy-2023-2024-gg-iz-za-rosta-potrebleniya/> (дата обращения: 17.04.2023).

² Ранее Узбекистан покупал туркменский газ опосредованно у Газпрома.

учно-техническое сотрудничество в сельскохозяйственном секторе. Китай, чьи северо-западные регионы (в том числе СУАР и пров. Ганьсу) климатически близки странам Центральной Азии, демонстрирует готовность передавать свой опыт, знания и технологии в области развития сельского хозяйства. В фокусе усилий Китая сейчас находится вопрос организации производства удобрений в Центральной Азии с участием китайских инвесторов (в частности, такие переговоры ведутся с Киргизией и Узбекистаном).

И, наконец, повышенное внимание Пекин уделяет улучшению имиджа Китая в Центральной Азии, и в этой сфере также заметна смена акцентов. Продолжая сталкиваться с синофобными настроениями среди населения стран Центральной Азии (особенно сильно они проявляются в Казахстане и Киргизии), иногда приводящими к срыву китайских проектов в регионе, Пекин совершенствует инструментарий своей публичной дипломатии. В дополнение к Институтам Конфуция в регионе создаются китайские культурные центры. Новым трендом стало создание специализированных центров профессионального обучения — мастерских Лу Баня. Такие центры, призванные содействовать профессиональному обучению местного населения преимущественно стран — участниц Инициативы «Пояс и путь» и соответственно способствовать созданию новых рабочих мест для местного населения, стали открываться Китаем с 2016 г. По состоянию на сентябрь 2022 г. было создано 20 мастерских в 19 странах. Первая мастерская Лу Баня в Центральной Азии была создана в Таджикистане — при Таджикском техническом университете. В октябре 2022 г. мастерская открылась в Ташкентском государственном транспортном университете в Узбекистане. В сентябре 2022 г. принципиальная договоренность о создании мастерской была достигнута с Казахстаном. Договоренности об открытии мастерской Лу Баня были достигнуты даже с Туркменистаном (на базе Международного университета нефти и газа имени Ягшыгелди Какаева, МУНиГ), в котором, кстати, не представлены Институты Конфуция. Высоким символизмом обладает достигнутая Китаем и Казахстаном договоренность о взаимном безвизовом режиме и расширении дипломатической сети (открытие генеральных консульств в Сиане и Актобе). Отмена визовых требований облегчит обмен кадрами, работу бизнеса, ориентированного на встречное взаимодействие, и пр.

В целом, со второй половины 2022 г., по мере снижения опасности со стороны пандемии COVID-19, Китай форсированно приступил к укреплению своих позиций в Центральной Азии. При этом достаточно четко прослеживается поиск Пекином новых подходов и инструментария проникновения в регион, продиктованный стремлением

не потерять темп и инициативу в разворачивающейся «Большой игре» великих держав в Центральной Азии, адаптироваться к меняющемуся политическому региональному ландшафту (обусловленному сменой политических элит и национальных стратегий стран Центральной Азии), снять остроту синофобных настроений в регионе как затрудняющих реализацию китайских интересов, содействовать решению стоящих перед Китаем на текущем этапе магистральных задач в области экономического развития (обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, стабильности глобальных цепочек поставок, развитие альтернативных транспортных коридоров и пр.).

Библиографический список

Грозин А.В. Внешнеэкономическая политика Китая в Центральной Азии: достижения и проблемы в энергосекторе // *Геоэкономика энергетики*. 2022. № 2 (18). С. 34—61. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_3

Каукенов А. Экономика казахстанской синофобии // ИАЦ МГУ. 28 марта 2021. URL: <https://ia-centr.ru/experts/adil-kaukenov/ekonomika-kazakhstanskoy-sinofobii/?ysclid=1h0ql66t1t860474256> (дата обращения: 24.04.2023).

Лексютина Я.В. Производство и экспорт российского СПГ: роль и место Китая // *Геоэкономика энергетики*. 2022. № 3 (19). С. 37—52. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_37.

Притчин С.А. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 6. С. 112—123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

References

Grozin, A.V. (2022). Vneshneekonomicheskaya politika Kitaya v Tsentral'noi Azii: dostizheniya i problemy v energosektore [China's Foreign Economic Policy in Central Asia: Achievements and Challenges in the Energy Sector], *Geoekonomika energetiki [Geoeconomics of Energetics]*, 2(18): 34—61. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_3. (In Russian).

Kaukenov, A. (2021). Ekonomika kazakhstanskoi sinofobii, *IA-Centr.RU*. URL: <https://ia-centr.ru/experts/adil-kaukenov/ekonomika-kazakhstanskoy-sinofobii/?ysclid=1h0ql66t1t860474256>. (accessed: 24 April, 2023). (In Russian).

Leksyutina, Ya.V. (2022). Proizvodstvo i eksport rossiiskogo SPG: rol' i mesto Kitaya [Production and export of Russian LNG: the role and place of China], *Geoekonomika energetiki [Geoeconomics of Energetics]*: 3(19): 37—52. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_37. (In Russian).

Pritchinn, S.A. (2022). “Bol'shaya igra 2.0” v Tsentral'noi Azii na sovremennom etape [The Grate Game 2.0 in Central Asia at the present stage], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 6: 112—123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123. (In Russian).